

Возвышая жизнь и смерть,
Лучше б в небо посмотреть
Голубое – голубое –
Будем там гулять с тобою.
Страшно? Страшно. Но слегка –
Облака за облака!
(Галина Шпак)

Шпакиня* (так ее называли друзья)

У нас было много общих друзей, и мы, конечно, общались не только по поводу поэзии... Но у Галины не было других предпочтений. В конечном итоге все заканчивалось стихами. Она писала много, густо, можно сказать, постоянно.

Даже, когда сломала правую руку – писала левой. И написала свою “Александрю”.

Перебираю книги Галины Шпак... Перечитываю заново подборки ее стихов в журналах... Сохранились у меня даже газетные вырезки с ее стихами... Это было время, когда и книга у Гали, как помню, была одна... Основные ее книги появились много позже. И у меня в моей

личной библиотеке сохранилось несколько. С автографами и без. Есть даже такая, где я значусь, как редактор – “Время суток”, выпущенная тогда еще знаменитым, в период его расцвета, Западно-Сибирским книжным издательством в 1978 г. На ней автограф – скупой, но очень ёмкий, как говорится, “для тех, кто понимает”. Автограф был такой: “Нелли, которая приложила руку к появлению этой книжки”.

Тогда времена были не из легких, в смысле – свободного творчества. Галина Шпак не состояла в то время в Союзе Писателей СССР. Ее как-то странно не принимали в этот самый Союз, при всех самых лестных рекомендац-

истинно современная наполненность. Увидеть в окружающем нас, таком обычном мире нечто необычное – это дается не каждому. Стихи Галины Шпак заставляют и удивляться летящим мгновениям, и грустить о их неповторимости, и, наконец, открывать новые стороны действительности”.

ях от серьезных и уважаемых, но, возможно, не очень любимых властью поэтов.

А имя ее было уже известно не только любителям поэзии, но и знатокам.

Она была “неудобным”, угловатым, но прямолинейным поэтом. А в издательстве тогда работали настоящие профессионалы – Нина Сергеевна Семаева, Дина Григорьевна Селькина, Юлий Моисеевич Мостков, Нинель Ильинична Созинова, Евгений Александрович Городецкий, Людмила Владимировна Белявская...

Пришла тогда в редакцию и я. Мне и досталась рукопись Галины Шпак.

Вот, общими усилиями мы и издали эти “Время суток”, приложили не только свои руки, но и сердце...

А аннотацию я тогда написала такую. Считаю ее до сих пор прямо относящейся к ее творчеству.

“Поэзии Галины Шпак присуща своеобразная, глубокая и

Галина Шпак не любила слово “поэтесса”, ей больше подходило, по её мнению, определение – “поэт”.

У меня на этот счет совершенно нет предпочтений. Какая разница, как тебя назовут. Поэт, поэтесса, стихотворец, бард, менестель (хотя, конечно, у всех этих слов есть четкая характеристика – кто ты есть). Но это все – суета. Тебя назовут и обозначат, кем ты был, после... ПОТОМ. Но Галина Антоновна Шпак ощущала себя ПО-ЭТОМ в свое время, при своей жизни, в полном смысле этого понимания. Она была такой.

Я представляю ее жизнь в стихах: Едешь утром в автобусе и молчишь...”, “Выдерни шнур, выдави стекло...”, “Сосны стоят и уходят во мрак...”, “Ты разлюбил? Хотя бы не кричи, – все знают, что любовь, как жизнь уходит...”, “Прислушайся к себе, – там тикают часы”, “Звук, свистящий в голове то ли пули, то ли флейты...”, “Кружится душа в бреду и не чувствует свободы...” И вот такие строчки:

“За небесами – небеса...”

Эти строчки написала Галина Шпак. Она сейчас на небесах, а там... нет предела ее поэзии. Там еще есть небеса, а за ними – другие...

ОДИНОКАЯ ПЕСНЯ ЗАКАТА

* * *

Напоследок мне достались
нулевые годы
Человеческих ристалищ,
площадной свободы.
Собирались толпы с помпой,
поменяли знамя.
Всё равно, что в лоб, что по лбу,
и погасло
пламя.
Опустела нынче площадь, –
люди на базаре
Ищут – рыщут, что попроще,
базар в разгаре
И лоснится красной рыбой,
колбасой и мясом.
Яблоки, арбузы – глыбой.
Сразу стало ясно,
Где искать интеллигентов –
тянут мысли в лавку.
Ленты Мёбиуса, энти продают
с булавкой:
Ленту склеишь, перекрутишь –
очень даже лечит
Голову на перепутье
эта бесконечность.
Приколю булавкой бантик –
кофточки не жалко,
Всё равно нули горбатят
и некстати жарко.

Закаменские овраги

Что ты ходишь по задворкам?
Жизнь закаменских оврагов
Отомрёт сама собой.
Домики стоят в опорках,
Зимовать, полны отваги,
Виден весь культурный слой.
Города. И в день короткий
За Военной горкой
Раздается детский рёв.
Где-то самосвалы возят мусор

В наше детство – на пустырь.
Где же вы, мои погодки?
Неприкаянная Муза –
Школьница....И след простыл!..
За Военной горкой свалка,
Задымились мелководы,
Утрамбуют до краёв.
Никому теперь не жалко,
И тем более не стыдно,
Наплевать в свой рай-раёк...
Дождь осенний, суетливый
Не затопит эти дыры,
Котловины и шурфы,
Улицы разрыты, – ливер
Ржавых труб – никто не стырит –
Непотребны для лафы
Странникам, бомзам и прочим
Любознательным. Ну, и ладно –
Мы идём с дождём вдвоём
Город вроде обесточен.
Не ходи, куда не надо,
Не смотри за окоём!

* * *

Каменные домики вдали,
Налезают крыши друг на друга,
Вырастают как из-под земли,
А земля не ведаёт испуга,
Принимает всех. И на краю,
И на склонах, в глубине оврага
Заросли черёмухи полет –
Так проста житейская отвага
И привычка. Всё-таки свое –
Не чужое для переселенцев
Это неказистое жильё –
Прошлый век, поскрипывает
дверца
Старого сарая, а над ним
Нависает экскаватор – глыба,
И железный ковш неумолим,
Как судьба, – зубастая улыбка.

* * *

Города, городки, городища...
Переставишь слова,
и меняются смыслы,
Отражается время в снегах.
Только память копнёт –
ветер свищет.
И вздыхает земля
и небесные выси.
Темень. Солнце пустилось в бега.
За спиною стена книжных полок.
Вся история – кто разумеет
«Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой».
Будьте, люди, довольны судьбой.

* * *

Мне и тебе одиноче,
до самой синей ночи.
Ничего не видать – глаза набухли.
Горячо! Источник мироточит,
Потому что душа старше буквы.
Не жалеи – пожалей,
и откликнется жалость.
Не читай между строк – зигзаги,
сдвиги –
И настигнет ясность,
как сказалось –
Заревое слово старше книги.

Накопилось книг – вериг –
ответов – заветов.
Человек старше судьбы и печали,
Старше философа и поэта
Тогда – сейчас, как было
в начале.

* * *

Мы обнимались на Онегинской
скамье,
Смеясь, оглядывались: «Кто-то
ходит – бродит!
И цепь позвякивает!» Надо бы
скромней
Показывать себя в борьбе
за власть. И вроде
Взлетают галки – чёрный взрыв –
к зиме.

Вдвоем с памятью

1.
Оперилась! – мама говорила.
Больше не буду мыться в корыте!
Первая любовь –
кровь бескрылая.
Последняя сбивается с ритма.
Постарела. Сама развалилась –
Что же так быстро, сразу куда-то,
В ту пустоту, впадая в немилость, –
Ни кровинки – блуждающий атом
Сил небесных. Тебе угодила:
Больше не буду жалеть беднягу –
Пусть гуляет небесная сила
На свободе – любовная тяга.

2.
Попробуй, проживи!
Пойдем рожать,
Запишем Гальку в общую тетрадь
С печатью, как у всех младенцев!

На радостях играли в буриме,
И даже братья рифмовали с нами
Хотя они еще – ни бэ, ни мэ,
Конфета – светит, в гамме – до...
Все люди говорят стихами.

3.

Не хочу я тебя огорчать –
На Земле тяготенье другое.
Надломился двужильный рычаг,
На крутильных весах перебой,
И часы отстают там, внутри,
Суть и плоть задрожат
в лихорадке.

Я сказала себе: «Не дури!
Кто кого положил на лопатки?»

Ну, конечно, она, а не я.
Ей пристало выказывать немочь
От рождения до забытья
И топтаться в извилинах
на ночь...

Наплывает – сверкают огни.
Вижу искры из глаз, дыры в сетке.
Сколько тысяч! – Забытые дни
Замелькали со скоростью света.
И в трубу, а оттуда живот
В платье розовом, американском,
Выпирает, с натугой – вперёд...
Нам втроём не угнаться
за мамкой.

Туфли сбросила и через плац,
Мимо красных казарм
гарнизона...

Из роддома доносится плач,
И на облаке девочка Зоя
Замерла и таращит глаза,
И отец наш погиб
в сорок третьем.

Раскалённые вспышки, лузга,
Самолёт, искорёженный смертью.

Помню место? Узнать наяву
Я смогла бы, и вижу сквозь дебри
За Уралом живую канву –
Серебристые заросли вербы.
Разойдутся круги. Темнота
Распластает, не чувствуя веса,
Чтоб уснуть, я считаю до ста!
Это я или мама воскресла?

Весенняя печаль

Там ледяные светятся кометы,
Они к тебе с космическим
приветом,
А ты не чувствуешь
космической любви
Девичества... Душой не покривив,
Пока живёшь на свете этом!
Тот беспросветный. Кто-то был
и выбыл,
И отпечатки допотопной рыбы,
Окаменелости на каменном
песке,
В глазах двоится. Думаешь
в тоске:

Ответ один – двоичен выбор,
Раздвоенность весеннего
раздолья.
Тебя не спросят. И помимо воли,
Снега чернеют и слезятся
на свету,
Не уследить последнюю черту,
Как жизнь, когда кричишь от боли.

Никчёмный день

Сбиваются с пути небесные тела.
Я знаю по себе – не отдаёшь
отчёта –
Что делаешь, зачем? Настигнет
эта мгла,
И в ней сидишь весь день,
И думать не охота.
Не видишь ничего,
но тикает внутри,
Вмешался в жизнь мою фатально
Кто-то другой.
И повторяет в голос, громко –
Раз, два, три!
Рука сама хватает ручку
машинально.
Холодная тетрадь теплеет под
рукой –
Какие-то штрихи, хвостатые
кометы
Неясно проступает профиль –
Вроде мой.
Никчёмный день закончился
Автопортретом.